

III

Где леди Сайгу? Рими шарил в темноте в поисках своей сестры Сайгу. Она вытянула руки, насколько могла, но перед ней не было ничего, кроме пустой тьмы. Ее беспокойство сменилось страхом.

«Леди Сайгу!» она закричала.

«Рими!»

Кто-то схватил протянутую руку Рими, и она проснулась. «Ты в порядке, Рими?»

«Мастер Шусей...» глядя на нее, лежащую в постели и держал ее за руку, не кто иной, как Шусей.

«Я... А? Что?»

Поскольку Рими не могла понять ситуацию, Шусей осторожно опустил руку и положил ее поверх покрывала. Затем он снял меч, который носил, и положил его на пол у стены.

«Я никогда не привыкну к мечам» сказал он с удрученной улыбкой, прежде чем сесть на стул рядом с подушкой Рими. Он был гражданским чиновником, но носил меч для защиты, когда выходил на улицу. «Ко мне приходил доктор и осмотрел тебя, и, видимо, это была анемия. Если подумать, ты провела день под угрозой обезглавливания, переехала во дворец, в котором никогда раньше не была, и просто ужасно проводила время. Это неудивительно. А пока тебе следует отдохнуть».

«Но доказательство...»

«Его Величество дал нам семь дней. Сегодня еще только первый. Не говоря уже о том, что из двух блюд я уже подтвердил вкус первого. Осталось только одно блюдо, так что сегодня тебе точно не помешает поспать». Шусей на мгновение замолчал, прежде чем продолжить говорить. «Я слышал, ты упомянула «леди Сайгу» минуту назад. Кто это?»

«Так мы называем жрицу, которая служит Куниамори-но-Оками. Она моя старшая сестра. Моя работа заключалась в том, чтобы предложить еду богу, и в то же время эта еда также была дана леди Сайгу. На практике моей обязанностью было приготовление еды для госпожи Сайгу. Именно благодаря этому долгу я оказалась на своем месте рядом с леди Сайгу». Несмотря на то, что обычно ее описывают как рассеянную, у Рими не то, чтобы ни было собственных чувств. Какой бы рассеянной она ни была, у нее все еще были свои заботы. Она всегда рассеянно волновалась, если речь шла о чем-то важном для неё.

Это все результат ее воспитания. В детстве она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Став Умаси-но-Мия в возрасте семи лет и почувствовав, что может быть полезна своей сестре Сайгу, она чувствовала облегчение, пока была рядом с сестрой, думая, что у нее все теперь будет в порядке. Однако беспокойство, укоренившееся в ней в детстве, постепенно превратилось в беспочвенное беспокойство о том, что ее сестра-Сайгу однажды исчезнет, и ей снова нигде не будет места, которое можно было бы назвать домом.

И вот это рассеянное беспокойство стало реальностью. Однако не ее сестре, а ей самой пришлось покинуть госпожу Сайгу. Когда новый император Конкоку взошел на трон,

императору Вакоку пришлось отправить в Конкоку одну из своих принцесс в качестве дани. Однако старшие сестры Рими уже были замужем, и Сайгу не могла просто бросить свой священный пост и отправиться в чужую страну.

Таким образом, задача легла на Рими. Когда она впервые узнала об этом, она была ошеломлена. Наконец-то она нашла место, которому принадлежала, только чтобы снова его потерять. Однако, поняв, что бесполезно просто погружаться в свое горе, она воспользовалась своей природной беззаботностью и смирилась. Как бы она ни боролась, она была единственным человеком, который мог это сделать. Все, что она могла сделать, это остаться самой собой.

«Место, которому ты принадлежишь, потому что у тебя есть долг... Я понимаю, что ты чувствуешь. Я и сам такой, как ты».

Рими хотела спросить Шусея, что он имел в виду, но слова застряли у нее в горле, когда она заметила бинты, обернутые вокруг его руки от запястья до локтя.

«Мастер Шусей, что случилось с вашей рукой?»

Шусей неловко улыбнулся, словно пытаясь сказать, что ничего страшного, когда Рими что-то вспомнила и побледнела.

«Не говорите мне, что это случилось после того, как я упала в обморок?» Незадолго до того, как она потеряла сознание, она заметила опасность стоять так близко к кастрюле с горячей водой. Должно быть, она перевернулась в тот момент, когда она упала и выплеснула воду на Шусея. «Это все моя вина, не так ли? Мне очень жаль, мастер Шусей... Я ранила вас...»

«Я в порядке. Врач сказал, что это не такой уж сильный ожог. Скорее всего, даже шрама не останется».

«Но... мне... мне так ужасно жаль...» Рими почувствовала, как область вокруг ее глаз стала горячей. Она ранила единственного человека, который был к ней добр здесь, в Конкоку, и не могла вынести чувство вины. Он ухаживал за ней, только чтобы получить травму в процессе. «Простите, мастер Шусей...»

В конце концов, Рими почувствовала, что доставляет неудобства как Конкоку, так и Шусею. Возможно, ей действительно не найдется места в этой стране. Эти чувства, которые она сдерживала и делала вид, что не замечала, вдруг вырвались наружу. Как будто что-то внутри нее взорвалось, реальность разлуки с сестрой-Сайгу внезапно поразила ее, и она не смогла сдержать слез.

Почему...? Это не похоже на меня... Как будто ее анемия сделала даже ее эмоции неустойчивыми. Она почувствовала, что расплакалась, быстро отвернулась от Шусея и заставила себя закрыть глаза. Я из тех людей, которые, когда им говорят, что им стоит чем-то насладиться, просто отвечают «да» и глупо улыбаются... и все же...

Она хотела наслаждаться жизнью здесь. В конце концов, так сказала ей сестра. Ей хотелось вести себя жестко, как делала ее сестра, когда подбадривала Рими. И ее чувства не изменились. Однако, несмотря на то, что она изо всех сил старалась не потеряться в стране, где ей было трудно даже говорить, ее чуть не приговорили к обезглавливанию из-за простой разницы культур. А теперь она даже умудрилась ранить единственного человека, который был к ней добр. Такими темпами она не могла надеяться найти свое место. Это было не то место, где Рими приветствовали бы с распростертыми объятиями. Она снова стала неприятностью для всех, совсем как в молодости. С этим чувством в груди даже обычно беззаботная Рими

почувствовала, что ее сердце отмирает.

Леди Сайгу... Мне больше нигде не место...

Внезапно Шусей заговорил с ней. «Было вкусно.»

Рими быстро открыла глаза.

Что он только что сказал? Все еще отвернувшись от Шусея, она сосредоточила свои уши на том, что хотел сказать Шусей.

«Тан, который ты сделала, используя дары Вакоку. Все, что я мог видеть, глядя на него, была кора, но в твоих руках он превратился в восхитительный тан. Это было невероятно увлекательно. Несмотря на то, что я ничего не попробовал, я чувствовал это странное чувство вкуса».

Шусей пытался сменить тему, когда увидел, что Рими начала плакать. Но первое, что сорвалось с его губ, заставило Рими почувствовать, будто ее нежно обнимают. Он сказал, что «было вкусно». Без особого мотива, кроме как сменить тему, он сказал то, что было у него на уме.

Из ее горящих глаз потекли слезы совсем другого рода. Что-то во много раз большее, чем ее ранее сокрушенные чувства, казалось, медленно поднималось со дна ее горла. Она прижала одеяло к лицу, она плакала.

Сбитый с толку, Шусей попытался взглянуть на Рими. «Рими? Я сказал что-то не то?»

Все еще пряча лицо, Рими покачала головой из стороны в сторону.

«Нет, я... я просто... я просто... так счастлива...»

Рими почувствовала, что Шусей с облегчением улыбается, пока его рука гладит ее по голове. «Тогда пока просто расслабься и поспи, Рими. Я с нетерпением жду возможности стать свидетелем еще одного твоего подвига завтра» мягко прошептал Шусей, прежде чем замолчать. Рими оторвалась от своего одеяла и увидела его на пугающе близком расстоянии от своего лица.

«Кажется, ты не можешь перестать плакать. Боюсь, я не очень хорошо разбираюсь в том, как развеселить даму. В конце концов, меня называют ученым, не знающим любви. Тем не менее, я узнал кое-что о том, как обращаться с женщинами, как часть моего образования. Если ты не возражаешь...»

"Образования?"

Шусей одной рукой коснулся плеча Рими, а другой схватил тонкую руку, которая держала одеяло Рими.

«Мне сказали, что, чтобы утешить знатную женщину, нужно прикоснуться к ней вот так. Это, по-видимому, приемлемо, когда вы хотите успокоить женщину».

Это было не что иное, как объятия возлюбленного. Тот, кто «просветил» Шусея в этом вопросе, должно быть, либо был довольно тупым, либо играл с ним.

«Я... не думаю, что это приемлемо».

«В Вакоку по-другому? Меня учили, что это правильный и вежливый способ утешения женщины, даже если она занимает такое социальное положение, при котором обычно приходится проявлять осмотрительность. Как это...»

Их взгляды встретились. Рими почувствовала, как ее сердце забилося сильнее. Все еще касаясь ее руки и плеча, Шусей медленно приблизился к лицу Рими, словно намереваясь утешить ее поцелуем.

«Ах... Мастер Шусей... Это... определенно неправильно...» Голос Рими дрожал, а Шусей молчал. Шусей был почти достаточно близко, чтобы его дыхание могло коснуться губ Рими.

В этот момент что-то мягкое внезапно закрыло рот Рими.

«Ах!» Шусей издал крик удивления и отскочил назад, в то время как Рими тоже подпрыгнула от шока, и ее слезы резко прекратились. Серебряное мохнатое существо, прилепившееся к лицу Рими, опустилось ей на колени.

«Т-Тама?! Простите, что напугала вас, мастер Шусей! Это мышь, о которой я вам говорила».

Когда Шусей перевел взгляд на колени Рими, у него отвисла челюсть. «Это... божественный дракон?!»

«Да, верно, мне очень жаль! Обычно она никогда не разыгрывает такие трюки. Она никогда не пугает людей, она очень послушная мышь! Но... а?» Рими несколько раз моргнула, ошеломленная, и посмотрела на Шусея. «Вы только что сказали... божественный дракон?»

«Это... божественный дракон. А именно, божественный дракон, которого император Конкоку хранил на протяжении поколений, Квинарный Дракон...»

"Что? Тама? Божественный дракон? Дракон?" она посмотрела прямо на Шусея.

Внезапно длинное существо с мягким серебристым мехом встало в величественной позе на коленях Рими. Оно издало чуть более свирепый писк, чем обычно. Не то чтобы в нем был намек на интенсивность или божественность...